

занятых этим ремеслом, причем каждая пятая ювелирная мастерская принадлежала финляндцам (в основном шведского происхождения). Многие финны служили в знаменитой ювелирной фирме Фаберже.⁸⁹ Специфически финской была профессия трубочиста: финляндские выходцы составляли более половины всех трубочистов столицы.⁹⁰ С середины XIX в. в городе стали появляться финские рабочие, они трудились в основном на Финляндской железной дороге, которая считалась собственностью финляндского правительства (железнодорожная линия Выборг — Петербург была построена в 1870 г.), и предприятиях Выборгской стороны, таких как заводы Нобеля, Лесснера и Парвайнена. Наибольшая концентрация финского населения в Петербурге к концу столетия наблюдалась именно на северной рабочей окраине столицы: в первой Выборгской части, по данным на 1881 г., финны составляли около 10 % жителей.⁹¹ Весьма характерны и названия улиц в районе Финляндского вокзала: Финский, Нейшлотский переулки, Нюстадская улица. К 1910 г. примерно 29 % финского населения Российской столицы проживали на Выборгской стороне, 8 % — в центре города, в районе финской церкви Св. Марии.⁹²

Таким образом, финны были заметным элементом населения Петербурга и Ингерманландии, они принимали активное участие в хозяйственной жизни города и губернии, но в то же время составляли особую общность и не было речи об их ассимиляции.

2. Зарождение ингерманландского движения в конце XIX — начале XX вв.

Из сведений, приведенных в первой части, видно, что в Петербургской (с 1914 г. — Петроградской) губернии не было основы для сколько-нибудь значительного сепаратистского движения, так как прибалтийско-финское население, преобладая среди национальных меньшинств губернии, было, тем не менее, не слишком многочисленным и проживало, за исключением некоторых местностей (часть Карельского перешейка, Сой-

⁸⁹ Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984. С. 173.

⁹⁰ Такала И.Р. Финны-иммигранты // Финны в России. С. 98.

⁹¹ Engman M. Petersburgska vägar. Lovisa, 1995. S. 172.

⁹² Юхнева Н.В. Финны в столице Российской империи. С. 52.

кинский полуостров), некомпактно. Финноязычные жители Ингерманландии представляли собой не единое целое, а конгломерат нескольких этнических групп, между которыми существовали языковые и конфессиональные различия. Кроме того, в среде преимущественно сельского населения не мог образоваться значительный слой собственной национальной интеллигенции, способной сформулировать идеи национального движения, тем более что среди финнов — жителей Петербурга преобладали недавние выходцы из Финляндии, которые имели несколько иные культурные традиции, чем проживавшие в уездах финны-ингерманландцы. К тому же пришлые финны, даже те из них, кто оседал в сельской местности, где они занимались батраками, пастухами и т. п. (в Колтушской волости местные жители звали их «бурлаками» — *purlakat*), быстрее старожилов воспринимали русский язык и русские обычаи.⁹³ Тем не менее, национальное пробуждение в Финляндии и Эстонии, начавшееся с середины XIX в., повлияло и на финноязычное население Ингерманландии. В первую очередь это касается наиболее многочисленной этнической группы прибалтийско-финского населения — ингерманландских финнов.

Подъему национального самосознания в немалой степени способствовала активная просветительская деятельность финской лютеранской церкви. Лютеранские приходы, образованные в период шведского владычества, продолжали действовать и в дальнейшем. В период Северной войны, впрочем, лютеранская церковь в Ингерманландии пережила нелегкие времена: некоторые пасторы бежали от военных действий в Финляндию, а тех, кто остался, русские военные власти в 1708 г. в ожидании нового шведского вторжения выслали во внутренние области России. Однако по условиям Ништадтского мира 1721 г. лютеранским приходам на территориях, отошедших к России, гарантировалось право на свободное существование.⁹⁴ Поставлять лютеранских священников для приходов в России должен был, по распоряжению шведского правительства, епископ города Обу (Турку). С 1727 г. пасторов для ингерманландских приходов начала готовить Обуская академия.⁹⁵ Другим источником под-

⁹³ Шлыгина Н.В. Ингерманландские финны: этнографический очерк. С. 66.

⁹⁴ Luther G. Herdaminne för Ingermanland. II. De finska och svenska församlingarna och deras prästerskap 1704–1940. Helsingfors, 2000. S. 32, 35.

⁹⁵ Ibid. S. 37.

готовки священнических кадров с начала XIX в. стал Дерптский (Тартуский) университет, однако подавляющее большинство будущих ингерманландских пасторов по-прежнему проходило подготовку в Обу.

Царский двор и члены царской семьи оказывали местной лютеранской церкви значительную поддержку. Не в последнюю очередь это было связано с тем, что жены многих российских монархов до брака исповедовали лютеранство, а также с тем, что немало лютеран, в основном немцев, находилось на российской государственной службе. Русские государи неоднократно

Церковь прихода Тюре

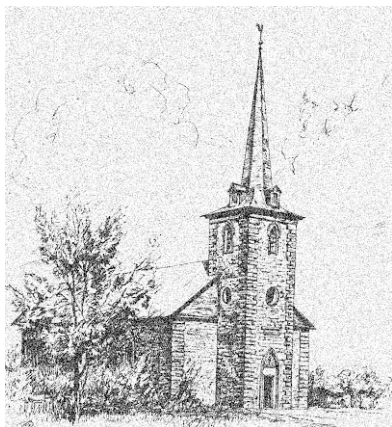
выделяли средства на строительство и ремонт лютеранских церквей: к примеру, Павел I построил церковь в Колпанах, а Николай I выделил средства на строительство каменных церквей в Тюре (взамен прежней деревянной) и Дудергофе.⁹⁶ В управлении лютеранской церковью в Ингерманландии в XVIII в. произошли некоторые изменения. Нарвская консистория, в ведении которой ингерманландские приходы находились при шведах, в 1704 г. прекратила

свое существование. С 1718 г. Ингерманландская церковь подчинялась созданной Петром I Юридической коллегии. В 1724 г. Я. Майделин, пастор прихода Спанко (Шпаньково, Спанккова), возглавлявший также петербургский финско-шведский приход, добился у Святейшего Синода назначения старшим пастором (пробстом) Ингерманландии и фактически возглавлял ингерманландскую церковь до своей смерти в 1729 г. Затем руководство снова было сосредоточено в руках Юридической коллегии, в составе которой был образован Консistorиальный отдел по лифляндским, эстляндским и (с 1744 г.) финляндским делам. Служащими отдела были исключительно лютеране: прибалтийские немцы и уроженцы российской части Финляндии. Отдел решал вопросы, связанные с назначением пасторов, по-

⁹⁶ Haltsonen S. Entistä Inkeriä. S. 47.

стройкой церковных зданий и другими церковными делами, в том числе и на территории Ингерманландии. С 1734 г., по приказу императрицы Анны Иоанновны, коллегия получила в Ингерманландии права консистории.⁹⁷

К середине XVIII в. в Ингрии насчитывался 21 финский приход, к началу XX в. их число выросло до 30. В XVIII — начале XX вв. происходило строительство новых церквей, многие из

Церковь в Колпанах

которых возводились из камня (церкви приходов Ропша, Кобрино, Колпаны, Тюре, Шпаньково, Дудергоф, Скворицы). Последней по времени, в 1909–1910 гг., была постройка финской церкви в поселке Юкки в Осинорощинской волости на землях, выделенных для этого владелицей имения Осиновая Роща княгиней Вяземской.⁹⁸ В Кронштадте действовал объединенный приход шведско-финско-эстонской церкви,⁹⁹ в Гатчине лютеранский приход был также совме

стным немецко-финско-эстонским. Самым крупным из финских приходов был приход церкви Святой Марии в Петербурге. Еще до основания города, в шведском Ниене существовали две лютеранские церкви, которые, скорее всего, погибли при пожаре (ниенский посад был выжжен гарнизоном Ниеншанца при известии о подходе русских войск). В самом Петербурге первая финская церковь была построена уже вскоре после основания города. Ф.Х. Вебер, описывая город в своей книге «Преображенная Россия», упоминал о деревянной финской церкви, которая находилась вблизи Марсова поля, в районе так называемых

⁹⁷ Amburger E. Geschichte des Protestantismus in Rußland. S. 51–53.

⁹⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 531. Л. 108.

⁹⁹ Кронштадтский лютеранский приход Св. Елизаветы, основанный еще в 1718 г., в 1859 г. разделился на две общины: немецко-латышскую и шведско-финско-эстонскую, для последней в 1869 г. была выстроена церковь Св. Николая (Князева Е. Е., Соловьева Г. Ф. Лютеранские церкви и приходы в России XVIII–XX вв. СПб., 2001. С. 146–147).

Финских шхер.¹⁰⁰ В 1719 г. в городе был образован финско-шведский лютеранский приход Св. Анны.¹⁰¹ В 1733 г. по указу императрицы Анны Иоанновны для этого прихода на Большой Конюшенной улице был выделен участок для постройки молитвенного здания, и здесь была построена новая деревянная церковь. В 1745 г. шведы образовали свой отдельный приход, для которого в 1767 г. на смежном участке на Малой Конюшенной улице была

Церковь в Губаницах

построена каменная церковь (церковь Св. Екатерины).¹⁰² Центр финского прихода оставался на Большой Конюшенной улице, первым его пастором стал Э.А. Норденберг, уроженец области Обу (Турку) в Финляндии.¹⁰³ Проживавшие в городе эстонцы принадлежали к приходу до 1787 г., когда они перешли в немецкий лютеранский приход первого кадетского корпуса.¹⁰⁴ В 1803–1805 г. для финского прихода на Большой Конюшенной улице по проекту архитектора Г.Х. Паульсена была построена каменная церковь, получившая название в честь Св. Марии (по имени вдовствующей императрицы Марии Федоровны). Торжественное открытие церкви, помещение которой было рассчитано на 2400 сидячих мест, состоялось 12 декабря 1805 г. Здание церкви в слегка перестроенном виде (в 1871 г. архитектор К. Андерсон

¹⁰⁰ Беспятовых Ю. Н. Указ. соч. С. 108.

¹⁰¹ Amburger E. Die Pastoren der evangelischen Kirchen Rußlands vom Ende des 16. Jahrhunderts bis 1937. Ein biographisches Lexikon. Lüneburg, 1998. S. 11.

¹⁰² Myllyniemi V. Pietarin suomalaiset luterilaiset seurakunnat // Suomi — Pietari. Pietari-seminaari Jyväskylässä. Jyväskylä, 1994. S. 86.

¹⁰³ Amburger E. Die Pastoren der evangelischen Kirchen Rußlands. S. 91.

¹⁰⁴ Самостоятельный эстонский приход был организован в Петербурге в 1837 г., здание эстонской приходской церкви Св. Иоанна было построено на Офицерской улице в 1859–1860 гг. (Raag R. Op. cit. S. 346–347).

Церковь Гатчине

перестроил церковь внутри, перестройка фасада производилась в конце XIX в. по проекту известного архитектора Л.Н. Бенуа) сохранилось до наших дней.¹⁰⁵ За пределами самого города к приходу Св. Марии принадлежало лютеранское население деревень Александровское, Вольнкино, Емельяновка (Аугуансаари) и Тентелева (Тёнттёля) на южной стороне Невы, Жерновка (Уусикиюля), Парголово и Лахта на северной.¹⁰⁶ Число прихожан церкви Св. Марии росло в соответствии с увеличением численности

финского населения Петербурга. В 1790 г. членами прихода числились 3720 человек, в 1860 г. — около 13 тысяч человек и в 1905 г. — около 16 500 человек.¹⁰⁷

В 1820 г. по распоряжению Александра I в Петербургской консистории была создана должность руководителя Ингерманландской церкви. Им стал епископ из Борго (Порво) С. Сюгнеус. По его инициативе началась реорганизация работы церкви. Были установлены новые границы приходов, для удобства управления приходы объединили в три пробства: Северную (Шлиссельбургское), Восточную и Западную Ингрию.¹⁰⁸ В декабре 1832 г. император Николай I подписал закон, согласно которому началась реорганизация лютеранской церкви в России. В Петербурге была создана генеральная консистория: руководящий орган для всей евангелическо-лютеранской церкви

¹⁰⁵ Kuortti A. Inkerin kirkon vaikeita vuosia. Helsinki, 1963. S. 151; Йокиппи М. Период расцвета ингерманландцев // Прибалтийско-финские народы. С. 205–206; Шульц С. С. Храмы С.-Петербурга. СПб., 1994. С. 254; Myllyniemi V. Pietarin suomalaiset luterilaiset seurakunnat. S. 88–89.

¹⁰⁶ Luther G. Op. cit. S. 206.

¹⁰⁷ Engman M. S:t Petersburg och Finland. S. 297.

¹⁰⁸ Казьмина О.Е., Шлыгина Н.В. Указ. соч. С. 109. Пробство — территориальная единица, объединяющая несколько приходов, во главе которой стоит пробст (старший пастор).

в России. Территория империи была разделена на восемь консисториальных округов или епископатов. Шесть из них находились на территории Прибалтики, остальная российская территория была поделена между С.-Петербургским и Московским епископатами. Все три пробства Ингерманландской церкви были подчинены С.-Петербургскому епископату.¹⁰⁹ В его руководстве главную роль играло немецкое духовенство, лишь с 1883 г. в Домском капитуле (церковном совете при епископе) одно из мест ассесоров стало выделяться для ингерманландской церкви. С 1880 г. параллельно с собраниями синода финские пасторы начали проводить собственные собрания, на которых рассматривались дела финских общин.¹¹⁰ По данным церковных книг, к 1918 г. к Северо-Ингерманландскому пробству относилось 44 820 прихожан, Восточно-Ингерманландскому - 28 523; кроме того, 17 693 финна входили в состав Петроградского прихода и смешанных приходов в Кронштадте; Нарве, Гатчине и Шлиссбурге. Всего, таким образом, число членов финских лютеранских приходов Петроградской губернии составляло 142 925 человек.¹¹¹ Следующая таблица дает представление о количестве прихожан в каждом из финских ингерманландских приходов и очисле деревень, которые к ним принадлежали, на 1917 г. :¹¹²

	Петроградский приход церкви Святой Марии	15 502	
Valkeasaari-Siestarjoki	Белоостров-Сестрорецк	4904	20
Lempaala	Лемболово	8183	86
Vuole-Miikkulainen	Вуолы-Никулясы	6763	25
Toksova-Haapakangas	Токсово-Осиновая роща	10 791	62
Keltto	Колтуши	7324	39
Rääpyvä	Рябово	2372	13
Markkova-Järvisaari	Марково-Шапки	5487	24
Venjoki	Славянка	12 954	84
Liissilä	Лисино	3136	21
Inkere	Ижора	3686	22

¹⁰⁹ Amburger E. Die Pastoren der evangelischen Kirchen Rußlands. S. 33; Luther G. Op. cit. S. 62.

¹¹⁰ Jääskeläinen J. Inkerin suomalaisten evankelis-luterilainen kirkko neuvosto-järjestelmän ensimmäisenä vuosikymmenenä 1917–1927. Valkeakoski, 1980. S. 22–23.

¹¹¹ KA. IA. Kansio XXX (Erikielisiä selostuksia Inkerin oloista).

¹¹² Составлено по: Mustonen J. Op. cit. S. 27–63; Metiäinen A., Kurko K. Op. cit. S. 14–74, 90–91.

Tuutari	Дудергоф	6161	64
Hietämäki	Хиетамяки ¹¹³	5077	52
Skuorista	Скворицы	8086	76
Ropsu	Ропша	2647	17
Tyrö	Мартышкино	8424	62
Serepetta	Жеребяты	1619 ¹¹⁴	41
Koprina	Кобрино	6226	38
Spankkova	Шпаньково	3161	44
Kolppana	Колпаны	2544	18
Kupanitsa	Губаницы	6342	72
Valkeakirkko (Moloskovitsa)	Молосковицы	2537	61
Kattila-Soikkola-Novasolkka	Котлы-Сойкино-Новоселки	1635	77
Kaprio	Копорье	1830	60
Narvusi (Kosemkina)	Куземкино	4260	33

Ингерманландская церковь поддерживала тесные связи с лютеранской церковью Финляндии. Финляндские архиепископы интересовались деятельностью Ингерманландской церкви и оказывали ей помощь. Пасторами в Ингерманландии по большей части становились выходцы из Финляндии: молодые финские священники охотно ехали в Ингрию, так как здесь жалование пастора было в три раза выше, чем в Финляндии. Так, из 95 пасторов, начавших служить в Ингерманландии в период с 1810 по 1865 гг., пятеро были выходцами из Прибалтики (они возглавили приходы, членами которых были преимущественно эстонцы, немцы и латыши), 11 человек родились в самой Ингерманландии, остальные приехали из Финляндии.¹¹⁵ Всего же на протяжении XIX в. из Финляндии в Россию переехало 135 священников, из которых 47 вернулись потом в Финляндию, остальные же 88 остались в России на постоянное жительство.¹¹⁶ В то же время на Ингерманландскую церковь оказы-

¹¹³ Населенного пункта с таким названием не существовало. Приходская церковь находилась в деревне Кяйвяря, однако приход носил название Хиетамяки (в переводе — «песчаный холм» или «песчаная горка»).

¹¹⁴ Приход Серепетта (Жеребяты) был смешанным финско-эстонским. Кроме указанного числа финнов, прихожанами этого прихода были 1594 эстонца.

¹¹⁵ Luther G. Op. cit. S. 65.

¹¹⁶ Engman M., Jungar S. Flyttningsrörelsen från Finland till Ryssland 1809–1917 // Historiallinen Arkisto. 75. 1980. S. 41.

вало определенное влияние постоянное общение с немцами-лютеранами и православными. К примеру, в ней проводился осенний «праздник очищения», который также отмечался немецкой церковью, но не входил в ритуал финляндской церкви. Влияние православия сказывалось, в частности, в том, что ингерманландские финны имели обыкновение часто осенять себя крестным знаменем, что не характерно для лютеран, и в церкви во время службы, в отличие от других лютеран, не сидели, а стояли, а женщины, как и у православных, заходили в церковь в платках.¹¹⁷

Ингерманландская церковь уделяла большое внимание культурно-просветительской деятельности, стремясь, чтобы прихожане не только знакомились с вероучением, но и постигали основы грамотности. Первая начальная финская школа была основана лютеранскими пасторами в 1782 г. в приходском центре Колпаны под Гатчиной, при непосредственной поддержке наследника престола Павла Петровича, в имение которого входила деревня.¹¹⁸ Здание школы построил на свои средства крестьянин А. Куйванен на участке,

Церковь в Токсово

выделенном Гатчинской уездной конторой, он же был первым учителем этой школы. В 1839 г. была открыта церковно-приходская финская школа в приходе Хиетамяки, в 1842 г. — в приходе Тюрё, в 1847 г. — в Дудергофе, в 1856 г. — в Колтушах.¹¹⁹ Пастор К. Сирен, возглавивший финский приход Св. Марии в 1836 г., принял активное участие в создании финской средней школы в Петербурге. Школа открылась в августе 1844 г. в усадьбе церкви

¹¹⁷ Казьмина О.Е., Шлыгина Н.В. Указ. соч. С. 110.

¹¹⁸ Flink T. Maaojjuuden ja vallankumouksen puristuksessa. Inkerin ja Pietarin suomalaisten sivistys-, kulttuuri- ja itsetuntopyrkimys vuosina 1861–1917. Turku, 2000. S. 43. Временем основания этой школы традиционно считается 1785 г., однако Т. Флинка на основании архивных изысканий установил, что она возникла тремя годами ранее.

¹¹⁹ Ibid. S. 49.

Св. Марии.¹²⁰ Первоначально в школе было всего 14 учеников и двое учителей, одним из которых был сам Сирен (он же был заведующим школой), другим — Т. Фриман, будущий деятель

Здание учительской семинарии
в дер. Колпаны

культуры и редактор одной из петербургских финноязычных газет.¹²¹

На основе Высшей церковной школы Св. Марии была позднее образована Петербургская общая финская школа. В начале XX в. приход имел шесть школ в Петербурге и четыре народные школы в пригородных деревнях.¹²²

Общее число учеников петербургских финских школ равнялось примерно тысяче человек; в 1908–1909 учебном году, к примеру, в них насчитывалось 1037 учащихся (часть из них была ингерманландского происхождения), из которых 260 человек посещали общую школу, остальные учились в начальных школах.¹²³ Заслуживает упоминания тот факт, что основание финноязычного среднего учебного заведения в Петербурге произошло раньше, чем в Финляндии, где финскому языку учили только в начальной школе, а среднее образование оставалось шведоязычным до 1864 г., когда финский язык в Великом княжестве был уравнен в правах с шведским.

¹²⁰ Вопрос об учреждении школы при церкви Св. Марии поднимался еще в 1820-е гг. В июле 1829 г. прихожане обратились к министру народного просвещения «о разрешении учредить при приходе сей церкви школу для обучения бедных детей». Петербургское консисториальное собрание в 1833 г. сообщило, однако, в Департамент просвещения о том, что «вышеупомянутая школа за недостаточностью собранной на учреждение и содержание ее суммы и за неполучением от прихожан ожидаемых пожертвований не учреждена» (РГИА. Ф. 733. Оп. 21. Д. 176. Л. 5–5 об.).

¹²¹ Flink T. Maaorjuuden ja vallankumouksen puristuksessa. S. 72.

¹²² На Выборгской стороне, Васильевском острове, в Казанской части, в Коломне, Песках, Полюстрово, в Александровской, Екатерингофе, Лахте и Парголово (Luther G. Op. cit. S. 206; Flink T. Maaorjuuden ja vallankumouksen puristuksessa. S. 239).

¹²³ Nevalainen P. Punaisen myrskyn suomalaiset. Suomalaisen paot ja paluumuutot idästä 1917–1939. Helsinki, 2002. S. 47.

Выпуск Колпанской семинарии, сер. 1890-х гг. В среднем ряду 4-ый слева — П. Тойкка; в заднем ряду 4-ый слева — К. Тюнни.

Несколько ранее, в 1836 г., на собрании ингерманландских пасторов был поднят вопрос о создании в Ингерманландии сети народных школ, для чего требовалось организовать подготовку местных учителей. В 1845 г. был образован комитет для руководства созданием воскресных школ и передвижных училищ. Решение об основании семинарии для подготовки народных учителей в Колпанах было принято на собрании пасторов в 1860 г., а основная инициатива в создании семинарии принадлежала пастору церкви Св. Марии У. Сюгнеусу и советнику главной консистории пастору Хильнеру из Риги. В 1862 г. Касса взаимопомощи русских евангелическо-лютеранских приходов предоставила в распоряжение строительного комитета пособие в пять тысяч рублей, казна уступила четверть десятины земли, а через два года Министерство двора и уделов выделило семинарии еще шесть десятин. На содержание семинарии касса взаимопомощи назначила по две тысячи рублей ежегодно. Также в 1862 г. была учреждена также особая дирекция, на которую было возложено посредничество между финским духовенством и семинарией. В состав дирекции вошли пробст К.Э. Паландер, пасторы:

Преподаватели и ученики Петербургской финской общей школы, весна 1912 г.

П. Швиндт, И. Грундстрем, Л. Юргенсон и И. Эквист. Учительская семинария в Колпанах, для подготовки учителей для народных школ, канторов и органистов была открыта 4 сентября 1863 г.¹²⁴ Ее первым директором был сын ингерманландского пастора Ф.О. Грундстрем, уроженец села Котлы, в то время еще студент Хельсинкского университета. Грундстрем находился во главе семинарии до своей смерти в 1879 г. В конце столетия семинарию возглавлял П. Тойкка, один из будущих лидеров ингерманландского движения. В первый год работы семинарии в ней обучались 13 человек. За 50 лет из Колпанской семинарии было выпущено около 230 человек.¹²⁵ Большинство выпускников становились учителями в финских сельских школах, число которых быстро росло. В одной из статей в сборнике, посвященном полувековому юбилею семинарии, ее значение было оценено следующим образом: «Учреждение Колпанской семинарии внесло резкий переворот в духовную жизнь ингерманландцев... Преподавание на финском языке в ингерманландских народных училищах дало затем то, что часть

¹²⁴ РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 921. Л. 452; Ф. 1276. Оп. 18. Д. 499. Л. 177.

¹²⁵ Карху Э.Г. Малые народы в потоке истории. Исследования и воспоминания. Петрозаводск, 1999. С. 154–155.

Члены Петербургского финского певческого общества:
во втором ряду в центре — М. Путро.

ингерманландцев полюбила этот язык, но если бы не школы, то не было бы ни финских библиотек, ни газет... Если бы семинария не подготовила нам учителей и руководителей, то наши соплеменники бродили бы еще во тьме духовного рабства, и вряд ли бы даже часть их могла бы возвыситься до национального самосознания, ингерманландцы не привыкли бы считать друг друга членами одного и того же племени, которых крепко соединяет общий родной язык, общее наследие предков и общая тяжелая судьба».¹²⁶ В деятельности Колпанской семинарии имелось, впрочем, немало сложностей. Основной среди была финансовая: нужны были средства для того, чтобы поставить обучение на должную высоту. Средств, получаемых от центральной кассы, было явно недостаточно, самообложение не удавалось. В результате семинарии к концу XIX в. стало крайне сложно конкурировать с соответствующими русскими учебными заведениями. Характерными в этом отношении оказались результаты ревизии школ в Лемболовской волости, проведенной в 1908 г. Согласно сообщению инспектора народных училищ 6-го района С.-Петербургской губернии, «в то время, как в Лемболовской земской школе, где учителя русские, учебное дело поставлено вполне удовлетворительно, в школе при Лемболовской кирхе, где учитель финн, кончивший Колпанскую учи-

¹²⁶ Цит. по: РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 499. Л. 177 об.

тельскую семинарию, успех учеников произвел на инспектора... совершенно противоположное впечатление».¹²⁷

В конце XIX — начале XX вв. в Ингерманландии было основано значительное число народных школ. В одном только приходе Дудергоф — Хиетамяки в 1870-е гг. функционировали пять школ, народные школы работали также в приходах Колтуши, Токсово, Марково, Славянка (Венйоки), Ижора (Инкере), Шпаньково, Колпаны и Тюрё.¹²⁸ К 1911 г. в районах расселения ингерманландских финнов действовали 229 народных школ (74 в Царскосельском уезде, 54 — в Петергофском, 45 — в Шлиссельбургском, 30 — в Петербургском, 26 — в Ямбургском), в которых обучались 10 757 человек,¹²⁹ а к 1918 г. их количество увеличилось до 314.¹³⁰ Другим видом образовательных учреждений были воскресные школы, в которых основное внимание уделялось обучению родному языку, лютеранскому катехизису и священной истории. Первую такую школу основал пастор О.В. Ронканен в приходе Марково в 1874 г. Воскресные школы, наряду с детьми, посещали подчас и взрослые. К 1911 г. в финских приходах насчитывалось 566 воскресных школ, в

Интерьер финской церкви Св. Марии в Петербурге.

которых работали 1894 преподавателя, число учащихся доходило до 13 тысяч человек.¹³¹ Некоторые финские семьи отдавали своих детей в немецкие школы, славившиеся солидностью своей образовательной программы. Наиболее состоятельные семьи имели возможность отправлять своих детей для продолжения образования в лицей в Выборге и другие учебные заведения стра-

¹²⁷ ЦГИА СПб. Ф. 218. Оп. 1. Д. 976. Л. 134.

¹²⁸ Luther G. Op. cit. S. 81.

¹²⁹ Nevalainen P. Inkeriläiset ja Pietari. S. 30; Flink T. Maaorjuuden ja vallankumouksen puristuksessa. S. 290.

¹³⁰ Мутанен П. Обетованная земля // Север. 1989. № 5. С. 95.

¹³¹ КА. IA. Kansio XXX; Nevalainen P. Silmäys Inkerin kirkollisiin oloihin // Inkeri: Historia, kansa, kulttuuri. S.163; Luther G. Op. cit. S. 83.

ны, в частности, в Хельсинкский университет.¹³² В 1891 г. студенты университета из Петербурга и Ингерманландии создали общество, а в 1904 г. — объединение, в которое входило около 30 человек. Это объединение внесло значительный вклад в формирование национального самосознания ингерманландских финнов: его члены выписывали газеты в сельские библиотеки Ингрии, собирали средства для приобретения книг, принимали участие в сборе этнографического материала; они выступили инициаторами создания ингерманландского музея и фонда для нужд просвещения.¹³³

Знаменательно, что в ингерманландском культурно-просветительском движении, наряду с духовенством, все большую роль стала играть нарождавшаяся светская интеллигенция. В частности, с 1906 г. более мирским по своему составу стал руководящий орган Колпанской семинарии: из шести его членов трое представляли церковь и трое — учителей и общественность.¹³⁴ В этот период между пасторатом и светскими учителями, проникшимися социалистическими идеями, даже возник конфликт, вставал вопрос о статусе Колпанской семинарии: является ли она вообще духовным учебным заведением? Радикально настроенное учительство во главе с К. Тюни и Ю. Перялайненом высказалось за передачу семинарии светскому руководству.¹³⁵ Позднее, весной 1917 г., школьный совет Петроградской финской общей школы заявил о своем отделении и независимости от церковного совета.¹³⁶

Православные ижоры и вожане были приписаны к приходам С.-Петербургской епархии, которых в районах их расселения насчитывалось 25.¹³⁷ Среди ижор, вожан, вепсов, карел уровень грамотности был гораздо ниже, чем у финнов-лютеран; так, по данным эстонского исследователя Х. Пярди, лишь около 14 % ижор умели читать и писать по-фински и несколько процентов — по-русски.¹³⁸ Документы свидетельствуют о том, что

¹³² Киуру Э.С., Суни Л.В. Очерк культуры российских финнов // Финны в России. С. 46.

¹³³ Flink T. Maaorjuuden ja vallankumouksen puristuksessa. S. 333–334.

¹³⁴ Карху Э.Г. Указ. соч. С. 160.

¹³⁵ Flink T. Maaorjuuden ja vallankumouksen puristuksessa. S. 258.

¹³⁶ Nevalainen P. Punaisen myrskyn suomalaiset. S. 76.

¹³⁷ Nevalainen P. Silmäys Inkerin kirkollisiin oloihin. S. 164.

¹³⁸ Pärđi H. Isurid, Ingerimaa põlisrahvas // Eesti Loodus. 1988. № 4. L. 270.

православные встречались и среди этнических финнов. Так, в марте 1906 г. Святейший Синод заслушал представление Петербургского митрополита об учреждении в Петергофском уезде особого прихода для православных финнов и принял решение: «Учредить при Ириновской церкви в деревне Волгове Петергофского уезда особый приход для финнов Петергофского и Царско-сельского уездов, с причтом из священника и псаломщика...».¹³⁹ Найти какие-либо более конкретные сведения о численности и расселении в Ингрии православных финнов пока не удалось.

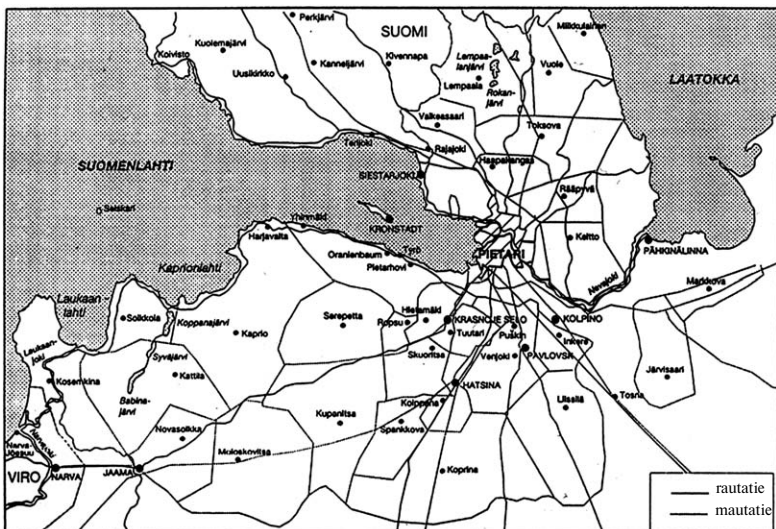
Распространение просвещения способствовало расширению кругозора жителей Ингерманландии, росту их национального самосознания. Местные финские крестьяне все более явственно воспринимали себя не просто жителями отдельной деревни или отдельного прихода, а членами единой ингерманландской общности. Этот процесс национальной консолидации в конце прошлого столетия был характерен для национальных меньшинств Российской империи. Как уже указывалось, заметное влияние на объединительные процессы среди финноязычного населения Ингрии оказывал подъем национального движения в Финляндии и Эстонии. Одним из факторов консолидации были массовые общеингерманландские мероприятия, проведение которых началось на рубеже столетий. Так, с конца XIX в. в Ингерманландии стали проводиться большие певческие праздники (по примеру эстонских). Первый такой праздник был проведен в 1899 г. в Скворицах, в дальнейшем праздники организовывались еще пять раз в разных местах (в 1901 — в Дудергофе, в 1903 — в Славянке, в 1908 — в Тюрё под Ораниенбаумом, в 1910 — в Колтушах, в 1913 — в Колпанах).¹⁴⁰ Традиция проведения певческих праздников в несколько видоизмененном виде сохранялась и в советское время, просуществовав до 1938 г. В Петербурге и губернии во второй половине XIX в. появились финские библиотеки, действовавшие при школах или при церквях (к концу столетия их насчитывалось 22, в них содержалось 12 319 книг).¹⁴¹

В 1870-е гг. в Петербурге началось издание газет на финском языке. Начало этой издательской деятельности было связано с именем магистра философии Й.А. Хагмана, который в 1868 г. приехал из Выборга (где он два года издавал газету «Илмаринен») в Петербург, а в 1870 г. начал издавать первую петербургскую

¹³⁹ РГИА. Ф. 799. Оп. 15. Д. 616. Л. 1.

¹⁴⁰ Tynni A. Inkeri Inkerini. Porvoo, 1990. S. 170.

¹⁴¹ Nevalainen P. Silmäys Inkerin kirkollisiin oloihin. S. 163.

Финские лютеранские приходы в Ингерманландии.

газету на финском языке «Пиетарин саномат» («Pietarin Sanomat» — «Петербургские известия»)¹⁴² Годом позже в городе стала выходить другая финноязычная газета — «Пиетарин суннунтайлехти» («Pietarin Sunnuntailehti» — «Петербургский воскресный листок»). Основателем этого издания был пробст Й.Х. Эквист, глава прихода Св. Марии, возглавлявший также пробство Восточная Ингрия, который первоначально сотрудничал с Хагманом, но затем между ними возникли разногласия. Главным редактором издания стал Т. Фриман. Обе газеты просуществовали недолго. С 1874 г. вместо них Фриман начал издавать новую — «Пиетарин лехти» («Pietarin Lehti» — «Петербургский листок»), это издание продолжалось до 1879 г. и закрылось после того, как Фриман оставил его. С 1879 г. выходила газета «Пиетарин вииккосаномат» («Pietarin Viikkosanomat» — «Петербургские недельные известия»), которую Эквист издавал и редактировал до своей смерти в 1883 г.¹⁴³ Наиболее долговечной из петербургских финских газет оказалась «Инкери» («Inkeri»),

¹⁴² Haltsonen S. Inkerin suomalaisten koulun ja kansanvalistuksen vaiheita // Inkerin suomalaisten historia. S. 227.

¹⁴³ Ibid. S. 228–229; Engman M. Petersburgska vägar. S. 180, 184; Nevalainen P. Punaisen myrskyn suomalaiset. S. 54.

издание которой началось в 1884 г. Газета имела религиозный и просветительский характер, ее главным редактором был профессор А.Ф. Силен, активное участие в издании газеты принимал выдающийся композитор и преподаватель М. Путро, один из наиболее популярных деятелей ингерманландского культурного движения.¹⁴⁴ В 1887 г. на страницах газеты учитель П. Тойкка опубликовал экскурс в историю ингерманландских финнов. В 1905 г. газета «Инкери» закрылась и появилась новая газета на финском языке, не чуждавшаяся политической тематики — «Ууси Инкери» («Uusi Inkeri» — «Новая Ингрия»). Редакторами этой газеты были К. Тюнни,¹⁴⁵ в будущем — один из лидеров ингерманландского автономистского движения, и П. Ряйккёнен. Политические статьи в этой газете отражали установки мелкобуржуазных партий. Газету, заподозренную в период первой русской революции в инакомыслии, приходилось печатать в Выборге, хотя редакция находилась в Петербурге, а Тюнни пришлось выплатить штраф за антиправительственные публикации. Разногласия в руководстве «Ууси Инкери» и конфликты с властями привели к тому, что в конце 1906 г. газета прекратила свое существование. С января 1907 г. радикальное крыло бывшей редакции начало издавать другую финноязычную газету «Нева» («Neva»), придерживавшуюся социалистического направления. Главным редактором новой газеты был опять же К. Тюнни, его помощником — А. Весикко. Активное участие в ее работе принимал также

¹⁴⁴ Tynni A. Op. cit. S. 187–188; Engman M. Pietari ja Inkeri. S. 178. Моосес Путро (1848–1919), уроженец прихода Туутари (Дудергоф), выпускник Колпанской семинарии первого года выпуска и курсов Императорского музыкального общества при Петербургской консерватории. С 1872 г. возглавлял финское хоровое общество в Петербурге. Ему принадлежит авторство музыки и текстов ряда известных произведений, в том числе песни «Воспрянь, Ингрия» («Nouse, Inkeri»), ставшей гимном ингерманландцев. Одним из первых сформулировал задачу пробуждения ингерманландского самосознания. В ноябре 1919 г. погиб при невыясненных обстоятельствах.

¹⁴⁵ Каапре (Габриэль) Тюнни (1877–1953) — родился в деревне Загвоздка (Сакоска) под Гатчиной; закончил Колпанскую учительскую семинарию в 1890-х гг.; с 1905 г. работал редактором петербургских финноязычных газет «Ууси Инкери» и «Нева». В мае 1917 г. в Хельсинкском университете ему была присуждена степень магистра философии. Осенью 1917 г. в течение недолгого времени был директором Колпанской семинарии. В политическом плане придерживался социал-демократической ориентации.

Ю. Перяляйнен, который по окончании Хельсинкского университета возглавил Петербургскую общую финскую школу. Более консервативное крыло, к которому относились представители церкви и умеренно настроенные учителя, в 1908 г. возродили газету «Инкери», которую возглавили П. Ряйккёнен и М. Путро.¹⁴⁶ Оба издания продержались до установления советской власти.

Со второй половины XIX в. в Петербурге и губернии стали появляться различные финские добровольные общества. Еще в 1867 г. в городе было основано «Финское общество работников ручного труда» (Suomalainen Käsiyöläisseura), которое, однако, просуществовало недолго. Одним из первых финских объединений в российской столице было «Петербургское финское певческое общество» (Pietarin Suomalainen Lauluseura), основанное в 1872 г. и руководимое М. Путро.¹⁴⁷ Широкий размах приобрела деятельность «Финского благотворительного общества» (Suomalainen Hyväntekeväisyseura). В октябре 1882 г. был утвержден устав общества, согласно которому, оно имело целью «доставление средств к улучшению нравственного и материального состояния бедных финляндцев, проживающих в С.-Петербурге». Членами комитета общества, председателем которого был барон Ф.Ф. Брун, состояли, в числе прочих, П. Тойкка и М. Путро. Общество оказывало материальную помощь нуждающимся, снабжало одеждой и обувью учащихся финских школ из бедных семей, в ряде случаев выдавало пособие на продолжение образования в Финляндии, устраивало концерты, вечера, распродажи и лотереи. В 1904 г. общество приняло участие в двух благотворительных базарах.¹⁴⁸ В 1880-х гг. было основано «Петербургское финское женское объединение» (Pietarin Suomalainen Naisyhtiö), также активно занимавшееся благотворительностью. В конце XIX в. появилась традиция создания финских обществ трезвости. Первое такое общество возникло в 1872 г. в приходе Марково, второе было образовано в следующем году в Белоострове.¹⁴⁹

¹⁴⁶ Tynni A. Op. cit. S. 190, 204; Flink T. Maaorjuuden ja vallankumouksen puristuksessa. S. 451; Nevalainen P. Punaisen myrskyn suomalaiset. S. 55.

¹⁴⁷ Nevalainen P. Punaisen myrskyn suomalaiset. S. 49, 51.

¹⁴⁸ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 13. Д. 46. Л. 1, 25–26.

¹⁴⁹ Кокко В.А. Ингерманландские финны: становление национального движения // Будущее ингерманландских финнов. Материалы научно-практической конференции. С.-Петербург — Токсо, 2000. С. 19.

В 1885 г. четверо финских купцов учредили в Петербурге Финское общество трезвости «Алку» («Alku» — «Начало»), цель деятельности которого заключалась в «преследовании чрезмерного употребления всяких охмеляющих напитков среди финляндских уроженцев, проживающих в С.-Петербурге и С.-Петербургской губернии».¹⁵⁰ В 1891 г. было основано еще одно общество трезвости, которое должно было проводить работу в первую очередь среди ингерманландских финнов: «Финское общество соревнователей трезвости “Инкери”» (Raittiuden harrastajain yhdistys «Inkeri»). Широкую известность приобрело также общество просвещения «Сойхту» («Soihtu» — «Факел»), основанное в 1909 г.¹⁵¹ В уставе общества его цель определялась как содействие образованию среди финнов, проживавших в Петербурге и Петербургской губернии, для достижения которой предусматривались выпуск книг, брошюр и периодических изданий, организация школ различных типов, музеев, книжных складов, библиотек, чтение лекций, создание певческих хоров и оркестров, учреждение стипендий для учащихся.¹⁵² В ноябре 1911 г. было зарегистрировано С.-Петербургское финское общество, целью которого было «предоставление... членам общества возможности разумного времяпровождения в свободные от занятий часы».¹⁵³ Возникали также спортивные объединения: в 1893 г. было основано «Петербургское финское гимнастическое общество» (Pietariin Suomalainen Voimisteluyhdistys), в 1912 г. в Губаницах появилось спортивное общество «Yrity» («Попытка»)¹⁵⁴ Многочисленные в городе финские железнодорожники основали в 1888 г. филиал Финского общества железнодорожников. Всего накануне Первой мировой войны в Петербурге и губернии действовало до 30 различных финских обществ и объединений. В Петербурге было три финских книжных магазина, действовала (с 1883 г.) больничная и похоронная касса, вблизи от Финляндского вокзала в 1910-е гг. находилась Большая Финляндская гостиница.¹⁵⁵

¹⁵⁰ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 13. Д. 776. Л. 12.

¹⁵¹ Йокиппи М. Указ. соч. С. 206–207; Юхнева Н.В. Финны в столице Российской империи. С. 53.

¹⁵² РГИА. Ф. 733. Оп. 175. Д. 438. Л. 267.

¹⁵³ ЦГИА СПб. Ф. 287. Оп. 1. Д. 52. Л. 6.

¹⁵⁴ Nevalainen P. Punaisen myrskyn suomalaiset. S. 52; Кокко В.А. Ингерманландские финны: становление национального движения. С. 20.

¹⁵⁵ Nevalainen P. Punaisen myrskyn suomalaiset. S. 51, 54, 62; Юхнева Н.В. Финны в столице Российской империи. С. 53.

Известно, какое воздействие события первой русской революции 1905–1907 гг. оказало на развитие национального движения в Финляндии и Прибалтийский губерниях. Так, принятие в 1905 г. Государственным советом декретов, ущемляющих автономию Великого княжества Финляндского, вызвало в Финляндии кампанию протеста, и в ноябре 1905 г. правительство было вынуждено отменить все акты, нарушающие конституцию Великого княжества. Революционные события не обошли стороной и уезды Петербургской губернии. Губернатор А. Зиновьев писал в отчете о состоянии губернии за 1905 г.: «...Уже с начала 1905 г. ко мне более или менее отовсюду поступали донесения о массовых порубках чужих лесов, об угрозах относительно предстоящих захватов чужих земель, о производимых разгромах хлебозапасных магазинов, о противозаконных сборищах, именуемых сходками, о прекращении платежей и о требованиях возвращения уже уплаченных сборов, о дерзких попытках к удалению неугодного почему-либо местного сельского начальства...»; отмечалась «решимость всегокрестьянского населения губернии требовать повсеместного рассмотрения земельного вопроса и почти повсеместного увеличения площади крестьянских земель».¹⁵⁶ В 1907 г. «возбуждение крестьянской массы было так велико, что местами выразилось в открытых насилиях».¹⁵⁷ Поскольку в отчете речь идет обо «всем» крестьянстве губернии, можно сделать вывод о том, что в аграрное движение было вовлечено и ингерманландское крестьянство. В то же время нет оснований для предположений, что крестьяне — ингерманландцы, участвуя в революционных выступлениях, выдвигали какие-либо особые требования, выходившие за рамки обычных крестьянских социальных устремлений.

Усиление русификаторской тенденции в политике правительства по отношению к национальным меньшинствам в конце XIX — начале XX вв., стремление ограничить автономию Великого княжества Финляндского отразились и на отношении властей к ингерманландским финнам. Собственно, курс на русификацию национальных меньшинств, в том числе в области школьного образования, был взят уже ранее. 2 февраля 1870 г. появилось тайное распоряжение Министерства народного просвещения, согласно которому учебно-воспитательная работа среди «инородцев» должна была вестись в русификаторском

¹⁵⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 100. Л. 295 об., 297.

¹⁵⁷ Там же. Л. 315 об.

духе.¹⁵⁸ До начала XX в. русификаторская политика, однако, не проводилась с достаточной последовательностью. Положение изменилось на рубеже столетий, когда рост сепаратистских настроений на окраинах империи стал вызывать серьезное беспокойство российского руководства. По мнению последнего, усиление сепаратистских тенденций в Финляндии могло оказать воздействие на родственное финнам население российских коронных земель. Российские власти были обеспокоены панфинской пропагандой, высказываниями наподобие того, которое было опубликовано в одном из номеров газеты «Лаатокка» за 1909 г. и в котором содержался призыв «пробуждать финское национальное чувство там, где его нет, развивать и укреплять его там, где оно появилось».¹⁵⁹ На заседании Особого совещания по делам Великого княжества Финляндского в апреле 1914 г. относительно сепаратистского движения в Финляндии и финской пропаганды среди карел утверждалось следующее: «Вышеуказанный процесс постепенного офинения карел не ограничивается ныне одной Финляндией. Принявшее явно агрессивный характер, панфинское движение уже проникло из Выборгской губернии с соседние с ней губернии Архангельскую и Олонецкую... и даже в губернию С.-Петербургскую, где насчитывается до 150 тысяч собственно финнов, 5 тысяч води и свыше 15 тысяч ижор. Здесь панфинская пропаганда стремится, прежде всего, удержать финнов от ассимиляции с русскими. За последние годы названное движение стало мало помалу приобретать характер объединительно-инородческого движения вообще. Перекинувшись, с одной стороны, в Прибалтийские губернии, а с другой, протягивая руку мазепинцам юго-западного края, оно повсюду вносит в борьбу инородческого элемента с государственным идею общности интересов и плановости в достижении цели».¹⁶⁰ В этой связи и в культурно-просветительной деятельности в Ингерманландии власти стали усматривать проявления сепаратизма.

Активность ингерманландских финнов в области образования стала всячески ограничиваться, в ингерманландские школы назначались русские учителя. В 1910-е гг. обострился вопрос о языке преподавания. В 1908 г. был принят закон, согласно которому все ингерманландские школы передавались на содержание земства. Традиционное утверждение финской ис-

¹⁵⁸ Flink T. Maaorjuuden ja vallankumouksen puristuksessa. S. 145–146.

¹⁵⁹ Цит. по: РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 921. Л. 26 об.

¹⁶⁰ Там же. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 512. Л. 341 об.

ториографии о том, что с этого года обучение в школах было переведено на русский язык,¹⁶¹ нуждается в некотором уточнении. В обычных земских школах (не в конфессиональных), в которых обучались финские ученики, преподавание большинства предметов и ранее велось на русском языке, а финский язык преподавался как учебный предмет четыре часа в неделю, на нем также велось преподавание Закона Божия. В Петербургском уезде, в частности, преподавание финского языка и Закона Божия лютеранского исповедания было введено в 1885 г. в четырех земских школах, а к 1901 г. эти предметы уже преподавались во всех школах уезда.¹⁶² Вопрос о языке преподавания впервые был поднят в ноябре 1905 г., когда члены Лемболовского лютеранского прихода на своем собрании постановили ходатайствовать перед Петербургской уездной управой о замене в школах, в которых преобладали финские учащиеся, русских учителей финскими, окончившими Колпанскую семинарию.¹⁶³ Уездное земское собрание на своем заседании 15 февраля 1906 г. признало желательным увеличить продолжительность уроков финского языка с четырех до шести часов в неделю, «а в целях ознакомления русских учителей с финским разговорным языком постановило учреждать в летнее время соответствующие краткосрочные курсы».¹⁶⁴ Однако замена русских учителей финскими была признана нежелательной. Попечитель Петербургского учебного округа в письме в Департамент народного просвещения от 22 марта 1906 г. мотивировал это следующим образом: «Выходящие из финской Колпанской семинарии учителя финны обыкновенно малообразованны, плохо знают русский язык... и... не чужды сепаративных финских стремлений. С заменю русских учителей такими учителями из финнов... понизится уровень начальной народной школы в финских местностях и вместе с тем повысятся сепаративные стремления местного финского населения».¹⁶⁵

В 1908 г. конфликт вокруг языка преподавания в финских школах принял уже обще-губернские масштабы. В мае — июне 1908 г. на имя министра народного просвещения было направ-

¹⁶¹ Gummerus H. *Finnarna i Ingermanland* // *Finsk Tidskrift för vitterhet, vetenskap, konst och politik*. Т. СХI. 1931. S. 20.

¹⁶² РГИА. Ф. 733. Оп. 173. Д. 34. Л. 4 об.

¹⁶³ Там же. Л. 2.

¹⁶⁴ Там же. Л. 5.

¹⁶⁵ Там же. Л. 7.

лено 24 прошения со стандартным текстом (отличия были лишь в названии приходов), в которых содержалась просьба разрешить вести преподавание в начальных школах, в которых обучались финские дети, на родном языке, при этом оговаривалось, что 12 уроков в неделю должны быть посвящены изучению государственного (т.е. русского) языка. В прошениях указывалось, в частности: «Наши школы не приносят ожидаемых от них результатов, потому что дети, не понимая совсем или понимая очень плохо при поступлении в школу русский язык, не могут надлежащим образом заинтересоваться преподаваемыми на этом языке предметами и развить в себе охоту учиться. Кроме того, нынешняя постановка в финских школах [преподавания] родного языка учащихся затрудняет подготовку их к конфирмации, имеющей в евангелическо-лютеранской церкви весьма существенное значение и составляющей главное средство к религиозно-нравственному воспитанию народа».¹⁶⁶ Инспектора народных училищ Петербургской губернии в своих донесениях рекомендовали директору народных училищ губернии оставить эти прошения без удовлетворения, мотивируя свое мнение тем, что увеличение числа уроков финского языка ведет к ущербу для преподавания других предметов и что в земских школах обучаются не только финские, но и русские дети, а для подготовки к конфирмации вполне достаточно уроков Закона Божия. Один из инспекторов выразил также опасение в том, что «финны хотят воспользоваться школой для проведения в жизнь своих политических пожеланий».¹⁶⁷ Только один из инспекторов высказался в пользу введения преподавания в приходах подведомственного ему района на финском языке, отметив, однако, при этом необходимость обеспечить возможность «обучаться на родном языке и детям иных национальностей, кроме финнов, проживающих в селениях названных приходов».¹⁶⁸ В это же время имели место неоднократные случаи закрытия воскресных школ под тем предлогом, что они основывались без соответствующе-

¹⁶⁶ ЦГИА СПб. Ф. 218. Оп. 1. Д. 976. Л. 136. По сообщению газеты «Карьялайстен Кесялехти», депутат Государственной думы Леппянен даже «собирался сделать Министру Народного Просвещения запрос о том, что Министерством предпринято по преобразованию в Петербургской губернии русских школ в финские» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 499. Л. 110).

¹⁶⁷ ЦГИА СПб. Ф. 218. Оп. 1. Д. 976. Л. 117, 134.

¹⁶⁸ Там же. Л. 118.

го разрешения со стороны училищных советов.¹⁶⁹ Местные власти также предъявляли претензии к деятельности учителей финских передвижных школ, которые «настолько осмелели в своей деятельности, что начали устраивать свои школы по соседству с русскими школами и переманивать к себе учащихся оттуда».¹⁷⁰

Одновременно деятельность финских общественных объединений также начала подвергаться стеснениям. Если до начала XX в. трудности с изданием финских газет были вызваны лишь недостатком средств, теперь проблемы стали появляться из-за вмешательства цензуры. Планы создания в Петрограде финского театра и национального музея, возникшие в период Первой мировой войны, остались нереализованными.¹⁷¹ Вопрос о защите прав национальных меньшинств Петербургской (Петроградской) губернии, таким образом, начал обостряться, и предпосылки для его разрешения появились после революционных событий февраля 1917 г.

Чешский социолог М. Хрох, анализируя национальные движения в Восточной Европе, выделил три стадии в их развитии. На первой стадии небольшой слой образованных людей начинает проявлять повышенный интерес к изучению языка, культуры, истории своего народа. На второй стадии происходит «процесс ферментации национального сознания», ведется активная пропаганда национальных идей. Наконец, на третьей стадии в национальное движение вовлекаются широкие народные массы.¹⁷² Если приложить схему Хроха к ингерманландскому национальному движению, можно констатировать, что оно, пройдя первую стадию в конце XIX — начале XX вв., вступило во вторую стадию в 1917–1918 гг. Третьей стадии национальное движение в Ингерманландии не достигло: оно не стало массовым, как это имело место в Польше, Финляндии, Прибалтике, Закавказье и на других национальных окраинах бывшей Российской империи или среди национальных меньшинств Австро-Венгрии. Тем не менее, определенная часть ингерманландского населения в 1918–1920 гг. была вовлечена в движение за национальную автономию, а некоторые пошли еще дальше, выступая за полный разрыв с Россией.

¹⁶⁹ См. напр.: Там же. Л. 109.

¹⁷⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 499. Л. 110.

¹⁷¹ Melkko P. Ensimmäisen maailmansodan ja maaliskuun vallankumouksen aika // Inkerin suomalaisten historia. S. 313.

¹⁷² Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe. Cambridge, 1985. P. 22–23.